

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Московская область,
п. Купавна

ТАЙНЫ СТОЛКНОВЕНИЙ ПОД ВОДОЙ

*Посвящается памяти коллег-подводников,
погибших на АПЛ «Курск»
12 августа 2000 года в Баренцевом море*

В год 75-летия Победы ветераны, собираясь не больше трёх, вспоминали свою молодость.

Прожив большую нелёгкую жизнь, трём ветеранам из Купавны есть что вспомнить: Борису, которому идёт 94-й год, участнику войны на Балтике, Петру, 1929 года рождения – в войне не участвовал, но был участником боевого траления на Балтике... А Виктор Кулик, бывший во время войны мальчишкой на оккупированной территории, как и Пётр, в войне не участвовал, но в полной мере испытал лиха в «холодной войне», последовавшей за войной «горячей».

«Холодная война» возникла сразу после Вто-

рой мировой между бывшими союзниками. Вроде бы парадокс, но, как показывает всемирная история, нет постоянных друзей, есть временные попутчики.

Всякая держава в этом мире имеет свои интересы, из которых она исходит, вступая в союз с другими государствами. Так случилось и с победой над фашизмом. У Черчилль, при помощи союзников победив ближайшего врага – гитлеровский фашизм, начал плести интриги против следующего своего врага – коммунизма и его лидера И. Сталина, дядюшки Джо, которого он боялся больше Гитлера.

От рассуждений о Второй мировой войне друзья незаметно перешли к «холодной войне». Здесь инициативу в свои руки взял Виктор Кулик, который в самый разгар «войны холодной» проходил службу на подводных лодках Северного флота, которые были не последним оружием в этом противостоянии.

– Мужики, я мальчишкой испытал тяготы оккупации. Ещё был жив дед, который говорил нам: «Внуки, я участвовал в двух войнах (*японская и германская*. – **В.К.**), дожил до третьей, которая досталась вам. Чует сердце, что и эта не последняя. Достанется ещё и вам лиха хлебнуть». И он не ошибся. На мою долю досталась «холодная война», которая, по крайней мере в глубинах океана, мало чем отличалась от настоящей войны.

Недавно, перечитывая книгу американских авторов с детективным названием «История подводного шпионажа против СССР», где, к слову, есть и моё имя, я переосмыслил её и пришёл к выводу, что «холодная война» в глубинах океана, по сути, была «горячей». Одна фраза из книги подтверждает это: «Когда личный состав вступал на борт «Гаджен» (*подлодка-шпион США*. – **В.К.**), мало кто из моряков сомневался в том, что они являются участниками необъявленной войны».

Основная задача подводных лодок в «холодной войне» с обеих сторон состояла в слежении друг за другом, особенно за ПЛАРБ (подводная лодка атомная с баллистическими ракетами) с нашей стороны, и за «Бумерами» (наши РПК СН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения) с их стороны. Это была приоритетная задача подводников, этим оправдывался любой риск. «Игра в жмурки» продолжалась в течение нескольких десятилетий. Это вело, естественно, к столкновениям под водой.

В книге американских авторов Шерри Зонтага и Кристофера Дрю, которая вышла у нас в 2001 году тиражом всего пять тысяч экземпляров, в приложении «А» есть 19 случаев столкновения под водой, но с оговоркой, что в этот перечень включены как подтверждённые столкновения, так и те, которые могли иметь место. Сведения о некоторых из них до сих пор хранятся в тайне. Нужно добавить, что неофициально таких происшествий было гораздо больше. Ведь тогда шла «холодная война» и всё было тайной. А чем «холодная война» отличается от горячей? Только тем, что в ней напрямую не применяется боевое оружие, а всё остальное как в настоящей войне! Сегодня как-то позабыли об этом периоде истории,

но такая «холодная война», настоящая война, только иными средствами, вовсю полыхает в информатике и психологии, которая воздействует на человека не огнём и штыком, а мыслью, которая бьёт его прямо в голову...

– Это ты к чему? – перебивает Пётр Виктора. – Ведь ты обещал рассказать нам о столкновении под водой, а читаешь нам политинформацию. Мы сами проходили эту самую «холодную войну».

– Я к тому, мужики, чтобы вы меня не обвинили в том, что я заливаю вам. Этот случай есть в книге, о которой я поведал выше, под номером шесть: «9 октября 1968 г. неопознанная американская или британская многоцелевая подлодка столкнулась с атомной советской подлодкой в Баренцевом море». Авторы ссылаются на рассказы русского исследователя А. Мозгового... Это не очень точный рассказ. Я при этом происшествии был помощником командира на советском атомоходе и точно помню этот случай...

– Ну так и расскажи нам, – в один голос сказали Борис и Пётр. – Штаны-то остались сухими?

– Столкновение под водой стало рядовым событием в пик «холодной войны», в 60-е годы прошлого столетия, – начал Виктор. – Но об этом узнали только после развала Союза. Всё было так засекречено, что даже мы, подводники, больше догадывались об этом, чем знали подробности таких случаев, если сами не попадали в такие передраги.

Подобное мне пришлось пережить в 1968 году перед выходом на боевую службу, из-за чего она была отложена, а наша лодка «К-131», готовая по всем параметрам к походу, была вынуждена встать в неплановый док. Вы спрашиваете – были ли сухими штаны? Штаны остались сухими и люди все живые, но не дай бог испытать такое!

Страха в момент столкновения не было, он пришёл потом, когда начались разбирательства и появилось слово «если». Хорошо, что не возникло паники, это главный враг в подобных ситуациях.

Мы в очередной раз готовились на боевую службу в Средиземное море. К концу октября 1968 года были полностью готовы. Все припасы загружены, кроме оружия. Предстоял предподводный выход для окончательной проверки всех механизмов корабля. Длился он примерно около десяти суток в полигонах Баренцева моря. Обычно на такие контрольные выходы шли флагманские специалисты. В тот раз с нами вышли два помощника: флагманские механики – дивизии и флотилии. И ещё нам бог послал на борт группу учёных-испытателей из четырёх человек, в кото-

рой была одна женщина. Они должны были зондировать магнитное поле Земли в подводном положении, а мы выполнять их команды. Как ни отбивался от этого наш кэп Владимир Павлович – ничего не вышло. Приказ свыше.

Уже около девяти суток не всплывая, мы переходили из полигона в полигон. Всё шло хорошо, замечаний не было. Наука не высказывала претензий.

В тот день в конце октября лодка спокойно шла на глубине 80 метров со скоростью 15 узлов. Режимы глубины и скорости менялись по требованию «науки». Команда, произведя приборку, готовилась к ужину. Кэп попросил меня заступить на командирскую вахту, чтобы привести себя в порядок к ужину: «Всё-таки женщина в кают-компании, а я не брит», – пошутил он.

Я имел допуск к управлению лодкой и право на командирскую вахту.

В центральном посту царило спокойствие, и ничто не предвещало беды. Все несли положенные вахты, а три механика, наш «дед» и флагманские помощники, сидя на барбете перископа, решали свои дела.

Из трюмного люка в корме отсека выглянул мичман – провизионщик Пётр Мефодьевич и спросил меня: «Какие консервы давать на ужин?»

В этот момент мне последовал доклад от вахтенного офицера: «Наука» просит уменьшить скорость до 12 узлов и глубину до 60 метров!» Маневр несложный, и я дал «добро» на его выполнение. И вдруг! В момент доклада о завершении маневра лодку потряс удар, она приняла положение вздыбленной лошади. Все незакреплённые предметы покатались в корму, мичман как будто провалился в трюм... Все три механика уже открывали клапаны быстрого продувания балластных цистерн, а я через их головы пытался дать команду на телеграф: «Турбины полный ход!»

В отсеке была какая-то суматоха, но не паника. Через какое-то мгновение я почувствовал, что подлодка закачалась на волнах....

Вскочив на барбет, дал команду: «Поднять перископ!» Перископ стал подниматься и застыл на половине. В этот момент в центральном посту появился кэп, он был в расстёгнутой рубашке и с канадкой под мышкой.

Первое, что он воскликнул:

– Мина!

На это я ему возразил:

– Если бы это была мина, то нас бы уже не было!

Вторым его заявлением стало:

– Сбили перископ!

На что я парировал, что этого не могло быть, так как перископ был опущен и находился в тумбе. В это время перископ после опускания и второго подъёма встал в рабочее положение. Владимир Павлович отстранил меня от окуляра и послал открывать рубочный люк на мостик, а сам прильнул к окуляру. Пока я поднимался к люку, услышал его возглас:

– Лодка справа шестьдесят!

Люк не поддавался, впопыхах забыли сравнять давление в лодке с атмосферным, пришлось воспользоваться свинцовой кувалдочкой. Меня буквально выбросило на мостик, а следом выскочил кэп. Он показывал рукой вправо, но из-за пелены дождя, наверху шёл настоящий ливень и была темень, разглядеть ничего было нельзя.

Сбросив скорость до минимальной и успокоившись, мы стали думать. Лодка как ни в чём не бывало уверенно держалась на поверхности, исправно работали двигатели и винты, не видно было повреждений, и мы с командиром решили пока не сообщать о столкновении, а дать сигнал по таблице сокращённых передач: «Имею контакт с иностранной подводной лодкой!» А все подробности сообщить шифровкой.

На мостик был вызван «шаман», так на флоте зовут шифровальщиков, а меня командир направил вниз разобраться, что же произошло...

Первым делом я направился в рубку гидроакустики, ведь оттуда за две минуты до столкновения доложили, что: «Горизонт чист!»

Там меня заверили, что так и было. Они даже не могли определить направление удара, в этот момент весь экран засветился, а в ушах был грохот.

В первом отсеке, с которого начал обход, стоял истерический хохот, все указывали пальцем на матроса бочкового, который снимал капусту с головы – удар пришёлся на момент, когда он разливал борщ, и всё содержимое бачка выплеснулось на него. Но никто из присутствующих не мог сказать, что удар пришёлся в район первого отсека. Все говорили, что это, наверное, в корме, ведь лодка осела кормой.

В кормовых отсеках версию, высказанную в носовых отсеках, не подтвердили, уверяя, что они бы точно почувствовали удар. Как показали последующие события, это был эффект первого впечатления.

Так и не получив точных результатов, в каком районе был удар, я поднялся на мостик и доложил командиру итоги осмотра-опроса.

Он сказал, что уже получено приказание – сле-

довать в базу кратчайшим путём в надводном положении, а в наш район выслана корабельная поисково-ударная группа (КПУГ).

Вскоре во тьме ночи вспыхнули проблески проектора. Обменявшись опознавательными, мы получили сигнал «С» (застопорить машины), и к нам на голосовую связь мегафоном приблизился противолодочный корабль. С него запросили, что мы имеем сообщить по существу вопроса. На это кэп ответил:

– К тому, что сообщил в штаб, добавить ничего не могу! Удачи вам!

И мы разошлись, а мне он бросил:

– Дома все точки поставят на нас!

В базе нас ждали. На плавпирсе стояла представительная группа офицеров и адмиралов во главе с заместителем командующего флотом, а в торце плавпирса стоял водолазный бот.

Командир сошёл на пирс, доложил, после чего мне последовала команда:

– Всем офицерам, кроме механиков, собраться на плавбазе. Офицеры механической части остаются работать с реактором!

В кают-компании плавбазы начался разбор. После объяснений командира высокая комиссия, было видно, пыталась перевести все стрелки на нас. Последовали многочисленные вопросы типа:

– А они правильно действовали?

Или:

– А если?..

Все нюансы этого разбора-допроса трудно передать, но всё время я пытался представить их на нашем месте. Но хорошо то, что командование дивизии и флотилии были на нашей стороне, они лучше представителей штаба флота знали своих людей и корабль.

Разбор происшествия продолжался... Было уже далеко за полночь, когда в кают-компании появился механик, руководивший водолазными работами, и доложил, что из-за плохой видимости под водой ничего обнаружить не удалось.

Адмирал принял решение:

– Всем отдыхать! В 11 часов всем собраться на пирсе и начать разбор с осмотра подводной части лодки!

Днём водолазы начали осмотр с носа лодки, и сразу поступил доклад:

– В носовой части пробоина в лёгком корпусе три на четыре метра!

Вопрос столкновения стал проясняться, но многое оставалось непонятным.

Как всё-таки это произошло? Главная загадка:

если удар пришелся в нос, то почему акустики ничего не слышали? Одним словом, вопросов была масса, а ответы на них были получены потом. А пока плановая боевая служба была заменена неплановым доком.

В доке выяснилось, что пробоина лёгкого корпуса в обтекателе гидроакустического комплекса была значительных размеров, а нас спас на славу сработанный нашими кораблями киль, который сгладил рубку «супостата», а нас уберёг от пробоины в прочном корпусе.

Комиссия по разбору этого неординарного происшествия признала наши действия правильными, взысканий не последовало, но осадок остался на всю жизнь... Главком ВМФ после этого приказал Северному флоту более тщательно охранять свой «огород», он имел в виду полигоны в Баренцевом море.

Не хочется разбирать этот случай по косточкам, но стоит рассмотреть несколько последующих моментов.

Через месяц после нашего столкновения «разведчик» нашей флотилии показал мне снимок английской подводной лодки в Норвегии со словами: «Смотри, что вы сделали англичанке!» У субмарины была разворочена вся рубка.

Подтверждение того, что это была английская подлодка, я нашёл позже у авторов книги «История подводного шпионажа против СССР»:

«Тесно координируя свои усилия с американскими подлодками, британские лодки иногда помогали проводить непрерывное наблюдение за советскими портами в Баренцевом море. Были только две британские лодки, способные выполнять эту задачу. Они подходили к советским берегам весной и осенью. Эти британские лодки были предназначены для выполнения шпионских задач, на чём и специализировались их командиры и экипажи. Они хорошо выполняли эти задачи и были агрессивны...»

В 2000 году на всемирном конгрессе подводников в Санкт-Петербурге мне удалось побеседовать с президентом Всемирной ассоциации подводников Джеймсом Блэкли. Коснулись мы и нашего столкновения. Оказывается, он был на английской лодке главным корабельным старшиной, помнит этот случай, но подробности позабыл. Он тогда пообещал разобраться с этим вопросом и сообщить мне. Но, увы! При следующей встрече на 43-м конгрессе в Москве в 2006 году он сообщил мне, что ничего не удалось узнать. Буквально его слова:

– Королевство умеет хранить свои тайны!

И это действительно так! Ни об одном столкновении под водой мы не знаем всех подробностей. И даже происшедшая 12 августа 2000 года трагедия АПЛ «Курск» в Баренцевом море, вызвавшая всемирную скорбь, остаётся загадкой или тайной, назовите как хотите, не вызвала интереса к этой теме. Всё списали на невинную торпеду-толстушку, никто даже и не задумался, что она была учебной, значит, не могла произвести такой мощи взрыв. Но взрыв торпеды – официальная версия, а всё остальное табу! Но этой версии никто из настоящих профессионалов-подводников не верит, хотя её пытаются внедрить в сознание людей. Почему?

Первое сомнение в этой версии возникает, когда мы узнаем, что в районе учений были американские и английские субмарины. Их девиз остаётся прежним, хотя вроде «холодная война» окончилась: «Пока русский медведь плавает, мы будем следить за ним!»

Надеясь на свою технику-электронику, они не учитывают тот фактор, что даже самый совершенный компьютер не может предугадать действия командира лодки, за которой следят! Так было и при нашем столкновении, и, возможно, при трагедии АПЛ «Курск».

Так что в вопросах столкновений под водой точки над «i», как говорил мой кэп, ещё не расставле-

ны! Везде и во всём главным остаётся «человеческий фактор»!

– Извините, мужики, – сказал Виктор, – я, наверное, утомил вас своим рассказом. Хотел рассказать «про штаны», а получился целый трактат. Но в таких случаях хочется разобраться до конца, хотя всегда на пути возникают секретность и тайна!

□

Вадим Тимофеевич КУЛИЧЕНКО

родился в 1936 г. в г. Острогожске Воронежской обл.

Капитан 1-го ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий (Израильско-Египетская война 1967 г., служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К-131»).

После окончания Высшего военно-морского училища подводного плавания в 1958 году проходил службу на Северном флоте.

Публиковался во многих центральных, региональных и флотских газетах и журналах.

В 2004 году был объявлен лауреатом литературного конкурса Союза славянских журналистов «России верные сыны» за ряд статей и рассказов, посвящённых Победе в Великой Отечественной войне.

В 2016 г. стал дипломантом Всероссийской литературной премии «Щит и меч».

